

ZAYNULIN

Белый цвет синего моря
рассказ

12+

Zaynul'n

Белый цвет синего моря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29125726

SelfPub; 2022

Аннотация

Рассказ о том, как прогулка по морскому побережью превращается в жизненный путь.

Zaynul'n

Белый цвет синего моря

Тихо летят паутинные нити.

Солнце горит на оконном стекле...

Что-то я сделал не так?

Извините:

жил я впервые

на этой Земле.

Я её только теперь ощущаю.

К ней припадаю.

И ею клянусь.

И по-другому прожить обещаю,

если вернусь...

Но ведь я

не вернусь.

Роберт Рождественский

Мне всегда было интересно, отчего же море такое солёное и такое невыносимо горькое. На первый взгляд, химический состав давно уже дал ответ на этот, казалось бы, детский вопрос. Однако сегодня рано-рано утром, ещё до того, как заря выдохнула свежую порцию света, Каспий открыл свою тайну, собственную версию о себе оном. Нескончаемые потоки лю-

дей приходят к нему тысячелетиями, склоняют головы, созерцая глубины скалистого дна, пытаясь спрятать там свои беды, неслышимо исповедуя боль бесконечному объёму воды. Море впитывает рассказанные ему истории вместе с солью слёз и горечью досад, темнея от их нерадушных оттенков, посылая в ответ светлые пузырящиеся волны, что шепотом заговаривающих старушек успокаивают пришедших.

Беспокойно оглядывая скалистую линию берега, о которую вдребезги разбивались волны, я спросил с удивлением: «Но Каспий, необъятный Каспий, не тяжело ли тебе содержать всё это?» На что море выдохнуло шквалистым порывом ветра: «Карма лекаря – не чуждаться боли пришедшего, а разделить её с ним».

И, вероятно, подобно тому, как солёный раствор вытягивает гной из ран телесных, так и морская вода извлекает «экссудат» из ран душевных. Очевидно, это целебное свойство собирает вдоль побережья совершенно незнакомых друг другу людей единой непрерывной полосой. Это наглядная картина ноогидробиоценоза, в который человек вовлечён не пищевыми цепями, а зовом Духа.

Море... оно вдруг предстало предо мной сокровищницей, наполненной сюжетами человеческих жизней.

Рассказав о сём, Каспий удивил меня ещё более, прошептал многоголосьем своих бесчисленных волн, что сегодня ранним утром, как только проблеск света скользнёт по его волнистой глади, он на короткое время извергнет из себя все

«чернила», сцеженные из историй, поведанных ему за столь долгое время. В результате на берегу оживут сюжеты человеческих судеб. «Когда это произойдёт, походи и прогуляйся среди одной из них», – слышался шёпот в раковине моего уха.

Каспий сказал – Каспий сделал: через полчаса он стал таким безмятежным, таким лазурным, игривым, чуть темнее неба, но всё же светлее себя обыденного. Ещё некоторое время море продолжало освобождаться от пигментов человеческих историй, облегчаясь и осветляясь. Выброшенные краски преобразились на берегу в виде ярких образов: на песке, словно тушь на бархатной бумаге, появились иероглифы. Берег стал развернутой книгой, захотелось пройтись и почитать. Но, к сожалению, я не мог понять эти символы. Что за алфавит? На каком языке это написано? Вдруг с моря налетел туман... и сквозь его влажную ткань, как через театральную вуаль, начали прорисовываться люди. Откуда они вдруг появились здесь, на побережье, в понедельник в столь раннее утро? Стало очевидным: выброшенные на берег чернила обратились в человеческие фигуры более доступные для моего понимания. Пройдусь, посмотрю на них.

Спустился к берегу, в самое начало моего пути. Здесь песок оголил небольшой участок скалистой поверхности, такой гладкой, без единой морщинки, словно детская кожа. Пря-

мо на нём стояла коляска с младенцем в розовых облачениях. Чуть поодаль в песке играла девочка лет семи... В один момент острые, как спицы, солнечные лучи разорвали ткань тумана на многочисленные скученные фрагменты... Стало светло. Я последовал за поднимающимся солнцем от восхода до заката. По пути увидел молодую девушку лет семнадцати в обществе ласкового сверстника... Мои ноги брели дальше и дальше... Когда Солнце установилось в зенит, на берегу показалась женщина лет пятидесяти, созерцавшая морские дали... Двинул дальше... И на закате встретил пожилую даму, кормившую птиц, парящих вокруг... Она стояла на скалистом берегу, сморщенном, словно лист бумаги, скомканный в гармошку. Когда накатывала очередная волна, она пропитывала пористую структуру шельфа характерным пузырящимся звуком.

Я не помню, сколько времени прошло, но закат настал так быстро, словно времени и не было, как будто бы я шёл не вдоль него, а сквозь... И тут я подумал, а что если все эти персонажи с мала до велика, которых я встречал с самого рассвета до заката – вовсе не разные люди, а стадии единой жизни? Хочется пойти дальше за Солнцем, но здесь, на этом берегу, земная история заканчивается... Закат...

Я стою на финише какой-то неведомой мне человеческой судьбы. И что-то недочувствую. Неудовлетворенность. Как хочется сорваться с места и побежать вдоль берега в обратном направлении. Вернуть все стадии, почувствовать их за-

ново. Мне ничего не мешает это сделать, меня никто не держит. Я сорвусь и побегу прямо сейчас. И тут же меня озадачил вопрос: сколько бы я ни бежал вспять, разве Солнце взойдёт на Западе и сядет на Востоке? У меня есть отличная возможность проверить это...

Пожилая женщина на фоне алого заката кормила морских птиц. Белокрылые чайки густо роились вокруг неё, заключая в плотную сферу из собственных тел. Мне казалось, что старушка недосыгаема за облаком белоснежных перьев. Вдруг меня необъяснимо потянуло туда. Я приблизился вплотную и через мгновенье слился с ними: словно сфера из птиц сама меня поглотила. Оказавшись там, я отчётливо увидел ту самую женщину, щедро кормившую с рук пернатых обитателей моря. Я подошёл ближе и попросил кусочек хлеба, чтобы и мне покормить. И тут показались сизые голуби, толпившиеся на берегу, а с противоположной стороны, на морской глади, вверх и вниз качались лебеди... Чайки подлетали ко мне на расстояние нескольких сантиметров... Это было так близко, что перехватывало дыхание от того, что я мог коснуться их. Каждая из них смотрела прямо в глаза, словно разглядывала подобного себе собрата, томящегося в четырёх камерах моего сердца. В этот момент крылатое существо, заточённое скелетом грудной клетки, рвало и метало во мне, пыталось вырваться и улететь к своим. Возможно,

это было биение сердца от сильного волнения... возможно, нечто иное.

Старушка гладила голубя, держа в своих заботливых руках. Он был ранен и перевязан. Казалось, птица потеряла способность летать. Перед тем, как обратиться ко мне, моя будущая собеседница осторожно опустила голубя на берег. Он побрёл, хромя, к своей многочисленной стае.

– Ну, кого бы ты выбрал себе в пару, если бы ты был голубем? – спросила она меня.

– Самого красивого! – уверенно ответил я.

– А... самого красивого?! – Игриво повторив мой ответ, женщина вдруг широко развела руки и хлопнула громко в ладоши. «Пах»... Все голуби разлетелись вдребезги кроме одного – того, что хромал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.